

— Я не хочу умирать! Почему я должен умереть? Не хватайте меня! — издалека, со стороны Моста Найхэ, доносились душераздирающие крики.

— Эх, опять несчастная душа, которая не может смириться со своей кончиной, — со вздохом произнес призрак, невозмутимо попивающий Суп Мэн По в Лавке Мэн По.

— Кто же с самого начала готов поверить в то, что он уже мертв?

— И то верно. Даже такие старики, как я, ушедшие из жизни естественным путем, порой с трудом принимают тот факт, что действительно покинули этот мир. Что уж говорить о совсем юных душах. — Седовласый старец спокойно сидел за столом, перед ним дымилась полная чаша Супа Мэн По, подозрительно напоминавшая бабушкину кашу из маша.

На керамической чаше даже был щербинка.

Те, кто сейчас сидел в Лавке Мэн По в ожидании порции супа, уже прошли через внутреннюю борьбу и смирились с неизбежным. Оставив позади сожаления, несбывшиеся мечты и горечь утрат, они просто сидели в оцепенении, ожидая начала следующей жизни, где их вновь ждали земные тяготы.

Река Ванчуань, протекавшая перед лавкой, казалась бесконечной. Она выглядела как настоящая река, и в то же время — как иллюзия, словно та самая, что была до боли знакома тебе при жизни: та, где ты в детстве ловил рыбу, или та, что казалась тебе самой величественной из всех, что ты мог вообразить.

Каждый призрак видел в Реке Ванчуань, на Мосту Найхэ и в самой Лавке Мэн По что-то свое. Но было одно общее: все они чувствовали себя так, словно вернулись в родной дом, где бабушка уже приготовила ужин и ждет их возвращения.

За каждым столом сидели души. Кто-то ждал супа, кто-то — кого-то другого. Лавка выглядела обветшалой, пространство казалось тесным, но она бесконечно принимала тысячи и тысячи душ, словно не имея дна. Пар над котлом не рассеивался и никогда не остывал.

Одни души выпивали суп и уходили, другие отказывались пить вечно.

Стоило выпить чашу и ступить на Мост Найхэ, как начинался путь. Первая половина моста открывала перед тобой карму прошлых перерождений, пронося перед глазами радости и печали прожитых жизней, подводя итоги и сохраняя архив твоей судьбы. Вторая половина моста слой за слоем счищала память, вытягивая, словно шелковые нити, накопленные за века слезы и смех, наказывая за ошибки. И лишь когда ты забывал обо всем, когда душа становилась чистой, как белый лист, мост заканчивался, и ты отправлялся в новое перерождение.

— При жизни я сполна хлебнул боли от болезней, да и жизнь познал вдоль и поперек. Мне не о чем жалеть и не к чему привязываться, — снова подал голос седовласый старец. Избавленный от немощного тела, он говорил звучно, как молодой человек.

Он взял чашу с Супом Мэн По:

— Ну, я пойду.

С этими словами он осушил её до дна. Другие призраки с разными выражениями лиц проводили старика взглядом, когда тот ступил на Мост Найхэ.

— Е Ань, проводи его, — не оборачиваясь, произнесла Мэн По, сидевшая у печи и следившая за огнем.

— Хорошо, — ответил юноша, разносивший суп по столам.

Он легко, словно пушинка, последовал за стариком, сопровождая его через мост. Перерождение — самый ответственный момент, когда переплетение воспоминаний прошлых жизней может довести душу до исступления. Одно неверное движение — и можно не только ошибиться с выбором новой жизни, но и вовсе стать Одиноким призраком.

Вся жизнь человека сводится к ожиданию того, что кто-то его встретит, кто-то проводит, кто-то будет рядом. Е Ань занимался этим уже пятьсот лет — провожал души в последний путь.

— Молодой человек, ты выглядишь таким статным и полным жизни. Почему ты не переродишься, чтобы вновь ощутить тепло солнца, а вместо этого остаешься в этом мрачном месте? — спросил старец.

— Я жду человека. Он еще не пришел, — негромко ответил юноша.

— Как долго ждешь?

— Пятьсот лет.

— Значит, он уже несколько раз перерождался.

— Да, но я так и не увидел его.

— А если увидишь, узнаешь?

— Узнаю. Мы дали клятву, что будем узнавать друг друга в каждой жизни.

— Почему бы тебе просто не переродиться и не найти его в мире живых?

— Мир слишком велик, а моя судьба не в моих руках. Я боюсь. К тому же, перерождение — это то, что мне недоступно.

Старец не успел ответить: Мост Найхэ увлек его в пучину воспоминаний. Подведение итогов началось.

Е Ань проводил здесь бесчисленное множество душ и видел столько историй, что давно научился сохранять спокойствие. Но сегодня, в воспоминаниях старика, он увидел знакомое лицо. Спустя пятьсот лет он наконец-то снова увидел его.

Е Ань потерял покой. Он хотел встретиться с ним. Его обычная, монотонная работа, которую он выполнял пять веков, вдруг пошла наперекосяк — за последние минуты он совершил три ошибки.

— Ты увидел его? — голос Мэн По прозвучал мягко.

— Лишь на мгновение, в памяти того старика, — Е Ань заметно нервничал.

Возможно, после пятисот лет ожидания внезапная зацепка выбила его из колеи.

— Но ты не можешь переродиться, ты... — в голосе Мэн По слышалось сочувствие.

— Я знаю. Я просто хочу увидеть его хоть раз, задать пару вопросов, — Е Ань смотрел на бурные воды Реки Ванчуань. — Пятьсот лет прождал, подожду еще несколько десятилетий.

— Даже если он умрет и придет сюда, вы встретитесь лишь на мгновение! — в словах Мэн По сквозила горечь.

— Этого достаточно.

— Глупый ты ребенок.

Мэн По перестала подкладывать дрова, встала и помешала булькающий суп. Процесс приготовления Супа Мэн По требовал особого мастерства: от него зависело, когда именно душа отправится на перерождение. Передержишь — забудет слишком быстро и уйдет раньше срока; недодержишь — будет долго бродить по мосту, не в силах забыть прошлое, и задержит очередь. А это меняет всю судьбу.

Поэтому варка супа — настоящее искусство. Для миллионов душ Мэн По выглядела по-

разному, принимая облик самой доброй бабушки на свете. Но лишь Е Ань, проживший рядом с ней пятьсот лет, знал, что на самом деле ей всего двадцать. Она была невероятно красива, но сама говорила, что пожилой облик вызывает у душ больше доверия.

— Е Ань, Трава Очищения Души заканчивается, завтра сходи набери еще, — внезапно вспомнила Мэн По, обращаясь к погруженному в свои мысли юноше.

— Хорошо, — коротко и четко ответил Е Ань.

Трава Очищения Души росла на краю обрыва в Долине Кипящего Масла. Чем больше грехов было на душах, томящихся в долине, тем сильнее кипело масло и тем пышнее росла трава. Срывать её было нетрудно, но крики из долины были настолько пронзительными, что у других призраков от страха подкашивались ноги.

Впрочем, за пятьсот лет он привык. Завтра наберет побольше, чтобы лишний раз туда не соваться. Е Ань поморщился и вернулся к своим обязанностям — подавать суп душам, готовым к новой жизни.

<http://bllate.org/book/19140/1879845>